

Кирилл
КАЗАНЦЕВ

ОБОРОТНИ

В ЗАКОНЕ



**НА ВСЯКОГО БЛАТНОГО
НАЙДЕТСЯ ПУЛЯ**

Кирилл Казанцев
На всякого блатного
найдется пуля
Серия «Оборотни в законе»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=658365

*Казанцев К. На всякого блатного найдется пуля: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-50382-7*

Аннотация

В суровый переплет попал бывший опер убойного отдела, а ныне инкассатор Степан Асколов! Двигаясь по городу в служебной машине, он увидел, как огромный черный внедорожник сбивает людей на улице. Степану удалось скрутить молодчика и сдать его в милицию. Но в итоге в камере оказывается он сам... Убийца на джипе оказался сыном самого губернатора, и теперь все его преступления вешают именно на Степана! Асколову удастся бежать, но на него открывают беспощадную охоту. Ну что ж, раз его поставили вне закона, значит, и для него теперь закон не писан...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	41
Глава 3	76
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Кирилл Казанцев

На всякого блатного найдется пуля

Глава 1

Степан вставил ключ в замочную скважину. Интуиция подсказывала ему, что никакой опасности нет. Да и какая может быть опасность? Он давно уже не командир отряда спецназа. И из милиции уже полгода как уволился. Теперь он, можно сказать, гражданский человек.

Дверь соседской квартиры распахнулась. На площадку вышла Надежда Васильевна – невысокая подвижная старушка, любившая совать свой нос куда не надо. Он мог поклясться, что соседка поджидала его, притаившись за дверью, иначе он непременно услышал бы ее шаги.

– Здравствуй, Степа.

– Здравствуйте, – буркнул Степан.

– С работы? – осведомилась она деловито.

– Да, – коротко ответил Степан, торопливо отпирая замок.

Заметив его поспешность, Надежда Васильевна засуетилась:

– Слышал, что с Катюшей с первого этажа случилось?

Ужас-то какой!

Степан открыл дверь в квартиру и замер на пороге, заинтересованный. Он отлично помнил улыбчивую девушку с первого этажа, которая всегда с ним здоровалась.

— А родителей-то как жалко, — причитала соседка со скорбным видом.

— А что случилось? — не выдержал Степан.

— Машина ее сбила вчера утром, насмерть... — выдала Надежда Васильевна на одном дыхании. — Гад! Сбил и даже не остановился. Они с подружкой на зеленый свет переходили, а он внезапно выскочил из-за машин по встречной! Подружка-то отскочить успела, а Катюшу... Сначала она еще живая была, но к приезду врачей умерла. Не успели они. Только через час приехали!

— А эта подружка, она хоть номер машины запомнила? — мрачно спросил Степан.

В голове у него не укладывалось, как такое могло произойти. Он только вчера видел Катю — молодую, красивую. И вот теперь ее нет. Будь его воля, он бы того водилу лично к стенке поставил. Такие твари не должны жить! Скорее всего, какой-нибудь молокосос с купленными правами... или пьяный в дупель...

— Да подружка-то номер запомнила, — вздохнув, ответила соседка. — Говорит, это был черный джип. Он когда сбил ее, то машину занесло... Он притормозил, а потом снова рванул прямо на красный свет, и только его и видели.

– Ну, если номер запомнила, то найти его не составит труда, – сразу воспрянул духом Степан.

– Не знаю, не знаю, – покачала головой Надежда Васильевна. – Она милиции все сказала, только до сих пор никого не нашли. Второй день уже ищут.

– Как так? – удивился Степан. – Пробить по базе данных номер машины – дело пяти минут. Конечно, водитель скажет, что машину угнали. Надо просто брать его и прессовать.

– Степа, ты же работал в милиции, – вспомнила Надежда Васильевна, – позвонил бы знакомым и узнал, что и как там. Они ведь сами не почешутся...

– Знакомым, – невесело усмехнулся Степан, вспоминая свою службу в рядах работников МВД. – Про таких знакомых лучше и не говорить.

– Ну, ты все равно позвони, – не отставала соседка, – хоть чем-нибудь, авось, помогут. Этот гад же еще кого-нибудь собьет.

– Хорошо, я позвоню, – сдавшись, кивнул Степан.

В двухкомнатной квартире было пусто и тихо. Степан Асколов развелся с женой, еще когда служил на границе с Таджикистаном. Потом был спецназ, ранение. Причем настолько серьезное, что он даже сомневался, возьмут ли его в милицию. Однако знакомый, работавший раньше в убийном отделе, подсуетился, и проблем с медкомиссией не возникло.

Окунувшись в работу отдела по расследованию убийств,

Степан почувствовал себя так, словно искупался в выгребной яме. В УВД процветала махровая коррупция. Следователи не чурались никаких методов – от подлога и мошенничества до пыток и убийств задержанных. Борьбa с этим было невозможно. Система прогнила сверху донизу. Часть денег от крышевания наркоторговцев, притонов и подпольных казино шла наверх, и все были довольны. Он среди этой братии выглядел, как еретик на христианском собрании. Белая ворона – точнее слова не подберешь. В какой-то момент у него просто не выдержали нервы... Он написал заявление по собственному желанию и стал искать работу. Потом скорпостижно от сердечного приступа умерла мать, оставив ему квартиру. И вот уже полгода он работал инкассатором в охрaнной фирме «Беркут», сопровождал ценные грузы. Работа в принципе не сложная, да и платили хорошо. Только все чаще возникал вопрос: «А что дальше?» Нужно было срочно что-то менять, найти смысл во всем этом, иначе он так и сдохнет один в пустой квартире.

Отгоняя от себя мрачные мысли, Степан переоделся в спортивные штаны и футболку, сунул ноги в шлепанцы и пошел на кухню готовить ужин. В холодильнике стоял плов, который он сам приготовил, и борщ, оставшийся с прошлого визита Татьяны. Она была яркой сторонницей идеи, что желудку обязательно требуются супы. Степан ничего не имел против, лишь бы самому не готовить.

Степан посмотрел на кастрюлю с борщом и пожалел, что

Татьяны не было рядом. Она, верно, в этот момент развлекала своего мужа, вернувшегося из важной командировки.

Чтобы как-то поднять себе настроение, Степан сложил тарелки с разогретой едой на поднос и перешел в гостиную на диван поближе к телевизору. Однако поднять настроение ему не удалось. По всем каналам гнали сплошную чернуху. В новостях одни убийства, катастрофы, коррупция и падение биржевых индексов. Какой-то чиновник присвоил деньги, выделенные на строительство школ в районах области, а школы построил буквально из мусора и кирпича от разобранных бруцеллезных коровников. Еще одна чиновница была поймана чуть ли не с мешком взяток, полученных от отчаявшихся родителей, которым обещала устроить их чад в детские сады. Выругавшись, Степан выключил телевизор, нашел на полке диск со старыми советскими комедиями, поставил в DVD-плеер и только после этого смог нормально поесть. Затем его взгляд упал на кипу бумаг, пылившихся на тумбочке, и Степан снова помрачнел, вспомнив, что еще не закончены мытарства с оформлением налоговых льгот и выплат, причитающихся ему как участнику боевых действий. Чиновники в упор его не видели, старались заморочить голову, отделаться отписками. Степан чувствовал, что еще немного, и доведут они его до греха. Тогда – только держись. В такие минуты он и сам себя боялся...

Он вспомнил про схрон с оружием, оставшийся от последней операции. Их группа обезвреживала террористов, кото-

рые собирались взорвать плотину на Волге. Асколов и не представлял раньше никогда, что боевые действия придется вести на улицах родного города. Но именно так и произошло. Степан должен был внедриться в группу. В теории все было просто. Он перехватил курьера с оружием, предназначенным террористам, и поехал на встречу вместо него. Парни из группы его страховали, но что-то пошло не так. Его вычислили. Встреча превратилась в бойню. Все террористы были убиты, а сам Степан получил тяжелое ранение в голову. Про схрон торговца оружием, что остался в лесополосе, он вспомнил лишь на гражданке, когда более-менее пришел в себя после ранения. Про него никто не знал. Степан долго ломал себе голову, как с ним быть, но в конце концов решил молчать. Могли ведь запросто подумать, что он собирался его присвоить, а потом, когда совесть замучила, признался. За такое могли и посадить. И схрон остался... Но в последнее время, особенно после визитов в кабинеты чиновников, Степан все чаще и чаще подумывал о схроне. Останавливал лишь здравый смысл. Взявшись за оружие, он все равно ничего не изменит, а себя погубит. В новостных программах не раз мелькали сюжеты об отчаявшихся людях, которые брались за оружие. Финал был всегда печальным. К тому же он точно не помнил, где этот схрон находится, так как ездил туда всего два раза с Эфенди, а тот возил его кругами да специально забалтывал. В дополнение к этому вход в схрон был заминирован, и чтобы войти, надо было открыть кодо-

вый замок. Степан помнил лишь первые цифры комбинации. Можно было, конечно, попробовать взломать, но надо ли оно ему? Возможно, Эфенди уже навесил сейф без него и все оттуда вывез, оставив смертельную ловушку. Ведь его тогда так и не поймали. Связной главаря террористов словно в воду канул.

Лежа перед телевизором, Степан так и уснул, соскользнув в мир сладких грез, где он входил в здание администрации с пулеметом. Во сне испуганные чиновники быстро подписывали ему все бумаги, после чего он проводил с ними курс молодого бойца, заставлял отжиматься и подтягиваться... Затем сон резко изменился. Вот он шагал с отрядом пограничников по узкому ущелью. Наблюдающий крикнул: «Духи!» И начался ад. Стреляя из автомата, он карабкался по склону, отдавал приказы. Потом появились вертушки и накрыли все ущелье залпом реактивных снарядов...

Прыжок, и он снова в родном городе, идет по лесополосе к схрону с оружием. Внутренний голос запрещал ему приближаться к этому месту, но ноги сами несли тело к замаскированному входу. Он склонился, разгреб прелую листву, счистил с кодового замка землю, набрал комбинацию, и дверь открылась. Мозг отчаянно вопил – не входить! Только тело вновь не слушалось. Степан словно смотрел на свое тело со стороны. Руки сдвинули тяжелую крышку люка вбок. Он склонился над черным провалом, стараясь разглядеть,

что в темноте, и в этот момент из тьмы выскочил Эфенди, точно черт из табакерки, схватил его и стащил вниз. Степан отчаянно сопротивлялся, но Эфенди был нечеловечески силен. Его ледяные пальцы впивались Степану в кожу, высасывая из тела тепло, глаза светились в темноте как гнилушки. Эфенди был мертв, давно мертв. Его одежда сгнила и превратилась в грязные лохмотья. Тело высохло, сморщилось, суставы скрипели при каждом движении. Судя по пулевому отверстию в груди, умер Эфенди не своей смертью. Вокруг пахло землей и тленом – запахом могилы.

– Я давно тебя ждал, – хрипло прошептал Эфенди ему на ухо. – Мне одному здесь очень плохо, холодно и совсем нечего есть. Меня оставили умирать в темноте!

– Отпусти, – попросил Степан, задыхаясь.

– Ты предал моих братьев, собака, – вдруг неистово заверещал Эфенди и с яростью вгрызся ему в плечо, намереваясь полакомиться свежим мясом...

Закричав, Степан вскочил на кровати мокрый от пота и простонал с облегчением. Это был всего лишь сон. Мертвый Эфенди часто преследовал его в кошмарах. Однако было непонятно, отчего террорист снился ему мертвым, если на самом деле он сбежал. Хотя все возможно. Террористы обычно долго не живут. Может, его где и пришили уже.

Грузовик стоял у служебного входа в закрытый магазин. Неприметный «ЗИЛ» с кунгом. Фонарь у подъезда освещал пандус. Двое в кабине курили, тихо переговариваясь. Оперуполномоченный Гена Жарков въехал во двор на своем потрепанном «BMW», притормозил у грузовика, вышел и огляделся. Затем подошел к кабине и постучал. Стекло медленно опустилось. Водитель, по виду казах, выглянул и вопросительно посмотрел на него. В его глазах мелькнула тревога. Массивная двухметровая фигура оперативника в ночи в сочетании со зверским лицом не вызывала прилива положительных эмоций.

– Што надо? – поинтересовался водитель осторожно.

– Я от Валеры, – пояснил Жарков. – Ты Асан?

– Я Асан, – подал голос пассажир, – а это мой брат Самат.

– Я товар хотел посмотреть, – буркнул Жарков.

Асан и Самат проворно выбрались из машины, открыли дверь кунга и пригласили внутрь, затем закрыли за ним дверь, включили свет и открыли тайник в полу, где лежало упакованное в промасленную бумагу оружие. Жарков развернул сверток, осмотрел автомат, потом осмотрел пистолеты и заключил:

– Ну, вроде все нормально. – И полез за деньгами в сумку, висевшую на плече.

Вдруг в дверь кунга настойчиво постучали снаружи. Все внутри замерли. Стук повторился.

– Эй, открывайте там или хуже будет!

– Кто это? – с ужасом спросил Асан.

– Конь в пальто, открывай, – проорал гость и настойчиво забарабанил чем-то тяжелым по обшивке кунга.

Самат быстро спрятал оружие и закрыл тайник. Асан, трясаясь как осиновый лист, пугливо отступил к задней стенке. Было видно, что он на грани обморока.

Стиснув зубы, Гена Жарков распахнул дверцу и уставился на направленный на него автомат. Затем он перевел взгляд на молодого прапорщика патрульно-постовой службы, державшего его. Его напарник стоял сзади, но оружия не поднимал.

– Че тут делаете? – требовательно спросил прапорщик.

– В карты играем, а что, нельзя? – ляпнул первое, что пришло на ум, Жарков.

– А где карты? – сузил глаза прапорщик, заглядывая внутрь.

– Вот, – буркнул Жарков, резко выхватил пистолет и выстрелил сначала в прапорщика, а затем в его напарника. Обоих сразу наповал.

Патрульные упали. Он прыгнул с кунга, подобрал автомат и расстрелял находившихся в кунге людей. Бросив автомат, достал сотовый и набрал номер инициатора мероприятия, коллеги из отдела Валерия Сажина.

– Ну, как все прошло? – поинтересовался Сажин.

– Ну, тут появились двое пэпээсников и стали быковать, – сконфуженно пробормотал Жарков.

– И что ты сделал? – нетерпеливо спросил Сажин.

– Я их завалил, – вздохнув, признался оперативник.

– Ты что, идиот? – истерично выкрикнул Сажин. – На хрена ты это сделал?! Показал бы удостоверение да послал.

– Да я что-то не подумал, – виновато ответил Жарков. – Тут полный грузовик оружия...

– Ну ты и идиот, – в сердцах прокричал Сажин. – Скажи Асану, чтобы сваливал оттуда вместе с оружием, и сам уходи.

– Я это н-не могу ему сказать, – запинаясь, проговорил Жарков.

– Почему?

– Я их тоже завалил. Они ведь свидетели, – ответил оперативник.

– А кого ты еще там завалил? – зло поинтересовался Сажин.

– Да тут больше никого не было, – пожал плечами Жарков, оглядываясь, – третий час ночи.

– Вот уедешь отдохнуть, оставишь дело на человека, а он все обосрет, – произнес Сажин. – Все, звони шефу и докладывай. Я умываю руки. Меня нет, короче. И не звоните мне. Телефон умер в руке Жаркова.

– Вот блин, – пробормотал он, глядя на тела патрульных...

Утро ознаменовалось приходом двоих мордоворотов из управляющей компании.

– Здравствуйте, – широко улыбнулся в приоткрытую дверь полный бритый парень с папочкой под мышкой. – Мы проверяем счетчики электрической энергии. Вот удостоверение. Разрешите войти.

Степан покосился на удостоверение и, зевая, распахнул дверь:

– Заходи. Только не долго, а то мне на работу надо.

– Мы быстро, – пообещал второй, белобрысый.

Они вошли, сгрудились у счетчика, и белобрысый прямо у него на глазах сорвал одну из пломб.

– И че это ты делаешь? – с угрозой поинтересовался Степан, мигом вспомнив, как несколько дней назад Надежда Васильевна рассказывала, что к ним в дом нагрянули инспекторы, проверили счетчики, нашли нарушения и выписали каждому предписание, по которому они должны были заменить счетчик и оплатить штраф в размере пятнадцати тысяч. Жители дома обратились в суд, и теперь шла тяжба.

– У вас нижняя пломба была сорвана, – с невинным видом пояснил белобрысый. – Электричество воруете, гражданин! А мы все приходим и приходим, звоним и звоним, а вы дверь не открываете! Вот в чем, значит, причина-то была. Сейчас

составим акт, снимем счетчик на проверку, а вы оплатите штраф.

– Противиться не советуем. Будет только хуже, – сразу предупредил бритый, заметив огонь, разгоравшийся в глазах Степана.

Было видно, что операция у них была отработана до мелочей. Степан молча закрыл дверь на ключ и бросил оторопевшим инспекторам:

– Слышь, уроды, а ну-ка сделайте все как было, и тогда я буду вас бить не очень сильно.

– Что, мужик, нарываешься? – процедил бритый, расправляя мощные плечи.

Степан не казался ему серьезным противником – лет под сорок, невысокий, нормального телосложения, в халате и шлепанцах на босу ногу, что тут может быть опасного. Тогда как инспекторы были выше на голову и шире в плечах.

– Я что, не ясно выражаюсь? – скривил губы Степан и встал поудобнее. – Быстро опломбировали счетчик и свалили.

– Серый, вызывай ментов, – ласково посоветовал бритый напарнику, не спуская глаз со Степана. – Скажи им, что у нас тут опасный псих.

Белобрысый понимающе кивнул и достал сотовый. Степан молнией кинулся вперед, ударил бритого под дых, швырнул на напарника и внес обоих в угол. Распахнул дверь во второй коридор и зажал инспекторов дверным полотном, при-

валившись к нему боком и упираясь ногой в косяк двери в ванную комнату.

– Ай, сука, – тоненько пискнул бритый, не в силах поверить в происходящее. Он даже и не понял, как все произошло. На любые попытки освободиться Степан только сильнее надавливал на дверь.

– Помогите, – задушенно прохрипел белобрысый. Крикнуть во всю глотку ему не хватало воздуха.

– Повторяю последний раз, – с угрозой повторил Степан, – опломбируйте счетчик! Не заставляйте меня вас уродовать.

– Ты сядешь, – прохрипел белобрысый из-за тела коллеги. Бритый в это время попытался снова вырваться, но, получив удар в печень, только охнул.

– За меня не волнуйтесь, – улыбнулся им Степан. – Мне на войне пуля в башку попала, и теперь я официально считаюсь дураком. Меня только-только из психушки выпустили. Вернулся домой, а тут вы.

В глазах бритого промелькнул страх:

– Ты гонишь. Сам же говорил, что тебе на работу надо.

– Вот, глянь, – Степан, удерживая одной рукой дверь, второй приподнял волосы и продемонстрировал жуткий рубец на виске, – видал?! А на работу я к рынку хожу. Меня там наш участковый поставил милостыню собирать. – Подумав, он добавил с безысходностью в голосе: – Все-таки придется вам ребра пересчитать. Непонятливые вы какие-то.

С этими словами Степан отпустил дверь и ринулся на инспекторов.

– Эй, мы все сделаем, – в один голос закричали те, вжимаясь в стену.

– То-то же, – улыбнулся Степан.

Когда они закончили, он проверил работу и сурово предупредил обоих:

– Если от вас, гниды, будут еще какие-то проблемы, я найду вас, и мало вам не покажется. – И, уже провожая их, дал бритому мощного пинка, пояснив: – Это чтобы не забыл. Я таких, как вы, пачками мочил.

Понадеявшись, что он был достаточно сумасшедшим, чтобы отбить у инспекторов желание прийти еще раз, Степан наскоро перекусил, переоделся, спустился во двор и, сев в свой старый, слегка помятый «Форд», покатил на работу.

За опоздание влетело. Семеныч, начальник смены, был злым как черт. Степан напомнил, что опоздал первый раз за все время работы, но это только больше раззадорило начальника. В результате досталось всем. Взбодренные руководством, они разбились по группам и разъехались по объектам.

– Жена, видно, Семенычу не дала, – усмехнулся Игорь, водитель их экипажа.

– Не исключено, – поддакнул Степан, сидевший на соседнем сиденье и изучавший вид за окном.

– Слушайте, мужики, – весело произнес с заднего сиде-

ня Антон, младший из их компании, – достало все! Давай-те сейчас примем бабки да свалим с ними подальше отсюда. Сегодня у них миллионов пятьдесят, на троих как раз. Прикиньте, где-нибудь в теплых странах купим себе хаты, заму-тим бизнес, ресторан там какой-нибудь...

– Я не против, – равнодушно пожал плечами Степан. Ему было плевать на болтовню напарника. Тот вечно нес всякую чушь, хохмил. Степан видел, как Игорь нахмурился. Он не понимал таких шуток, поэтому всегда либо отмалчивался, либо ворчал что-то себе под нос.

А Антон между тем продолжал:

– Вот в каком-то городе было такое. Попятили миллио-нов сто или больше. И ушли... почти что. Засыпались на ка-кой-то дури. Я бы вот не влетел. Хрен бы меня нашли...

– Вот ты-то как раз и влетел бы, – буркнул зло Игорь, – у тебя талант к этому. Помнишь, как ты «Калину» купил?... А историю с кредитом? А как код игры получил по сотовому, что потом симку пришлось выбрасывать...

– Ну, нашел что вспомнить, – фыркнул Антон, – это все в прошлом. Теперь я стал намного умнее. Хрен наколешь.

– Хрен наколешь, – усмехнулся Игорь. – А премию квар-тальную ты получил? Всем вчера давали, а когда я спросил у Семеныча про тебя, он только рукой махнул. И так каждый раз, а ты об этом даже и не знаешь.

– Какая квартальная премия? – изумился Антон, мигом поднимаясь на дыбки. – Степан, че он гонит?

– Да все про это знают, – решил поддержать шутку водителя Степан.

Лицо Антона исказила гримаса ненависти:

– Да Семеныч, козел, охерел совсем!

– Вот ты ему прямо сейчас позвони и разберись, – посоветовал Игорь, усмехаясь себе под нос.

– Да я ему сейчас глаз на жопу натяну прямо по телефону, – взревел Антон, выхватив из кармана сотовый.

Он уже набирал номер начальника, когда Степан признался:

– Расслабься, шутка это. Нет никакой квартальной премии.

– Вот видишь, а ты говоришь, что тебя не наколешь, – подытожил довольный Игорь. – Сейчас бы Семенычу глаз на жопу натянул, а потом бы тебя самого натянули. Видишь, как все просто.

– Ну и сволочь же ты, Игорян, – процедил сквозь зубы Антон, поглаживая ствол автомата. – Если бы мы сейчас не ехали, я бы тебе устроил...

– Тише, я позвоню, – бросил им Степан и набрал номер телефона знакомого следователя из отдела по расследованию ДТП при УВД. Он обещал узнать – и узнает – про гибель студентки, чего менты там мутят. Что дело непростое, понятно сразу.

Следователь Олег Васютин был вменяемым парнем. Степан помогал ему несколько раз и надеялся, что тот не отка-

жет в небольшой помощи.

– Да, слушаю, – отозвался Олег.

– Здорово, это Степан.

– Привет, как твое ничего? – отозвался Олег каким-то усталым голосом.

– Да все хорошо, – бодро ответил Степан. – Работаю, зарплата вроде приличная и никаких напругов. Хотя, если честно – скучновато.

– Зато у нас тут весело, – кислым голосом сообщил Олег, – задолбало все. Собираюсь увольняться.

– Да брось! Ты же говорил, что тебе работа нравится, – слегка опешил Степан. – Случилось чего?

– Говорить даже не хочу, – проворчал Олег в трубку, но потом выложил все. – Один большой начальник в нашем городе подарил дочке красивый черный джип, купил еще и права до кучи. Дочка хорошо повеселилась на дне рождения, а потом поехала кататься по городу и сбила девушку, переходившую улицу на зеленый свет. Сбила и уехала, а девушка умерла. Теперь вот мне, как самому ответственному работнику, поручили отмазать эту сучку.

– Ну а что ты? – сухо спросил Степан, чувствуя, как сердце забилося быстрее.

– А что я?! На меня давят. Сам знаешь, как у нас могут давить, – вздохнул Олег. Голос у него был потерянный. – Им-то что, а мне встречайся с родственниками жертвы и объясняй, почему мы не задержали преступника. Была свидетельница,

подруга жертвы, которая запомнила номер машины. Потом там есть камера видеонаблюдения... Короче, вылезет это все наружу, как ни скрывай. Я вот уже думаю, может, самому стукануть журналистам. Не нашим, естественно, а куда-нибудь в Москву или на телевидение, чтобы от меня отстали. Чувствую, еще немного, и обратной дороги не будет. Начальство же меня потом и подставит. Скажут – оборотень в погонах, брал взятки и отмазывал, а они – белые да пушистые – меня разоблачили. Нет, все, увольняюсь! Слушай, Степан, а у вас там в конторе для меня местечка не найдется?

– Ну, приходи, – пробормотал Степан, – у нас как раз место освободилось. Один с женой развелся, запил, его и поперли.

– Ну, ты там замолви за меня словечко или подскажи телефончик, – попросил Олег, немного повеселев.

– Нет вопросов, замолвлю, – пообещал Степан и продиктовал номер телефона отдела кадров. – Позвонишь и скажешь, что ищешь работу.

– Спасибо, – сказал Олег с благодарностью и, спохватившись, спросил: – А ты вообще чего звонил? Дело какое-то было?

– Да нет, ничего уже, – ответил Степан и спросил в свою очередь: – Слушай, а кто этот начальник-то, чью дочку ты отмазываешь?

– Ну, вообще-то, идет расследование, – опомнился вдруг Олег, – я и так сказал много лишнего.

– Да ладно тебе, – усмехнулся Степан, – все равно же собирался журналистам стукануть. Ты что, первый день меня знаешь?

– Это председатель совета директоров нефтяной компании «Волганефть», – признался Олег. – Тебе-то это зачем?

– Интересно просто, – соврал Степан. В этот момент машина подъехала к зданию банка, и он бросил в трубку: – Ладно, давай, до скорого, а то мне надо идти работать. Дела не ждут.

Они попрощались. Степан взял с колен автомат, поправил бронежилет и вышел на улицу.

– Ну, что, не подумал насчет моего предложения, чтобы свалить с бабками? – подмигнул ему Антон, выбравшись с другой стороны из бронированной «Нивы».

– Пошли, шутник, – вздохнул Степан и направился к служебному входу в здание. По дороге у киоска он увидел платежный терминал с заманчивой надписью «без комиссии» и вспомнил, что на сотовом осталось рублей десять.

– Слушай, Антон, я быстро, – бросил он, доставая из кармана бумажник. Обычно он сразу клал на счет рублей триста, и ему хватало на месяц или даже два, учитывая скромный круг общения. В бумажнике были только две пятисотенные бумажки. Степан решил не париться и сунул в терминал пятисотку. Чек терминал не выдал, вероятно, закончилась бумага.

– Давай пошли, – оскалился Антон, – посторонними де-

лами будешь потом заниматься.

* * *

Получив все необходимые бумаги на груз и расписавшись где следует, они забрали мешки с деньгами и погрузили их в инкассаторскую машину.

– В данный момент мы миллионеры, – громко объявил Антон, запрыгнув на заднее сиденье.

– Как же, миллионеры, – буркнул вечно недовольный Игорь.

– Ну, чисто гипотетически, – не унимался Антон.

Степан сел со своей стороны, захлопнул дверцу и бросил водителю:

– Поехали.

Отпустив сцепление, Игорь плавно нажал на газ, и машина медленно покатила по проезду к дороге. Под знаком «уступи дорогу» он притормозил. Машины ехали сплошным потоком. Полоса в противоположную сторону была практически свободна, и некоторые лихачи проскакивали по ней, пересекая сплошную.

Степану пришло сообщение. Он достал сотовый, взглянул на экран и выругался, врезав кулаком по приборной доске.

– И чего? – ласково поинтересовался Антон.

– Да вот, положил пятихатку, а пришло двести пятьдесят, – выпалил Степан, оглядываясь на коварный терми-

нал, – вот сука!

– Меня тоже так недавно развели, – поделился бедой Игорь, выискивая просвет в потоке машин. – Там потом прочитал мелким шрифтом сбоку на автомате, что без комиссии начиная от двух тысяч рублей, а меньше – комиссия пятьдесят процентов. Я судиться хотел, а адвокат сказал, что в России нет закона, ограничивающего процентную ставку.

– Ну вы и лохи, – ухмыльнулся Антон.

Внезапно у них перед самым носом на бешеной скорости по встречной промчался черный джип.

– Мать твою, – выдохнул Антон, провожая взглядом крутую тачку. Он хотел что-то сказать, но в этот момент на их глазах джип протаранил толпу пешеходов, переходивших дорогу на перекрестке на зеленый свет. Молодой парень, подрубленный носом джипа, подлетел метра на три вверх и рухнул, изломанный, уже позади машины на дорогу. Одна женщина отлетела вперед, к светофору. Другую отбросило назад, на столб освещения. Ее череп раскололся, и во все стороны хлынула кровь. Ребенок, шедший за ней, уцелел лишь чудом.

От этого зрелища в голове у Степана все помутилось. Точно сквозь багровую пелену он видел, как удаляется джип. Он даже не притормозил. Затем Степан, как во сне, услышал свой голос:

– Вперед!

– Чего? – изумился Игорь.

Больше спросить он ничего не успел. Действия Степана были быстрыми и четкими. Перегнувшись через водителя, он распахнул дверцу машины и пинком вытолкнул Игоря наружу, перепрыгнул на его место, захлопнул дверцу, завел заглухший двигатель и до отказа вдавил в пол педаль газа. С визгом покрышек инкассаторская «Нива» сорвалась с места.

– Т-т-ты что делаешь? – заикаясь, спросил перепуганный Антон с заднего сиденья.

– Как что, – отстраненно буркнул Степан, – мы же договорились свалить с деньгами. Ты что, не помнишь? Теплые страны и все такое...

– Я же шутил, – пролепетал Антон, стиснув в руках автомат и пугливо озираясь по сторонам.

Они мчались с дикой скоростью по проспекту, потом Степан свернул в какой-то неизвестный проулок, пошла грунтовая дорога, ухабы. Их немилосердно подкидывало и мотало из стороны в сторону.

– Теперь мой черед шутить, – пробормотал Степан, прикидывая, как ему половчее подрезать джип. С проспекта тот, скорее всего, свернет на Студенческую. Главным было успеть.

– Эй, не дури, останови машину, – робко потребовал Антон срывающимся голосом. – Ты что, спятил?!

– Я теперь богатый человек и могу позволить себе быть немного эксцентричным, – оскалился Степан. – Это простой человек может спятить, а нас, миллионеров, в таких случаях

называют эксцентричными. Запомни, а то попадешь впро-
сак, когда выйдем в высший свет.

– Нет, ты точно спятил, – покачал головой Антон. В его
глазах стоял ужас. Отчаяние заставило поднять автомат, и
он приказал визгливо, срываясь на крик: – А ну стой, мать
твою, или буду стрелять!

– Если выстрелишь на такой скорости, то мы оба трупы, –
спокойно возразил Степан, выруливая на Студенческую ули-
цу.

«Ниву» занесло и развернуло несколько раз посреди доро-
ги перед носом у затормозивших машин. Антон мигом поза-
был об автомате. Бросив оружие, он уперся в стенки салона
руками и заорал благим матом, глядя выпученными глазами
на дорогу. Черный джип промчался мимо, объехав маши-
ны по пешеходной дорожке. Прохожие шарахались от него
в стороны кто куда.

– Не уйдешь, сука, – процедил сквозь зубы Степан и вновь
вдавил в пол педаль газа.

Завывая, «Нива» рванулась вперед вслед за джипом.

– Господи, – выдохнул Антон, бледный как привидение, –
останови, пожалуйста! Мы разобьемся на хрен!

– Не думаю, – покачал головой Степан, не отпуская взгля-
дом джип. – Может, тебя это успокоит, но в свое время мне
давали уроки экстремального вождения.

– Высади меня, – жалобно попросил Антон.

– Не могу, мы его упустим, – снова возразил Степан. –

Погоди, немного осталось. Движение интенсивное, ему не скрыться.

– Так ты это за джипом, что ли? – облегченно вздохнул Антон. – Ну, ты меня и напугал! Да нас из-за тебя теперь с работы выгонят!

– Это мои проблемы, – бросил Степан. До него и самого теперь уже стало доходить, что эта погоня будет стоить дорого им обоим. Конечно, он возьмет вину на себя. Потом его уволят. Возможно, придется компенсировать материальный ущерб, хотя машина пока целая...

Только он так подумал, как в них сбоку влетела «Волга», въехавшая на перекресток на зеленый свет. «Ниву» развернуло. Антон ткнулся лбом в стойку, ойкнул и выругался. Степан с тоской глянул за окно. У «Нивы» было помято крыло, а вот у «Волги» весь передок всмятку. Двигатель заглох. Степан попробовал завести, но тот только чихал. А в это время джип уходил все дальше и дальше.

– Ты куда смотрел, придурок? – заорал водитель «Волги», выбираясь наружу.

Степан его не слышал. Все его внимание было сосредоточено на джипе. Как его достать? Угнать машину? Внезапно на его глазах джип круто вильнул и въехал в витрину модного салона белья.

– Так тебе, козел, – обрадовался Степан, с автоматом в руках выскакивая из машины.

Водитель «Волги» с ужасом отпрянул от него назад. Он

уже успел пожалеть о своих оскорбительных словах, выкрикнутых в запале, как только увидел оружие в руках у обидчика.

Впереди к разбитой витрине осторожно подступали зеваки.

– В сторону, разойтись, – страшным голосом заорал Степан, пролетел мимо зевак и запрыгнул в пролом, засыпанный осколками.

Джип стоял посередине зала, уткнувшись в колонну. Везде валялось разбросанное нижнее белье. На искореженном капоте висел целый прилавок. Из персонала салона вроде бы никто не пострадал. Появление человека в пятнистом комбинезоне, бронежилете и с автоматом в руках вызвало в рядах продавцов панику. Девушки с визгом кинулись кто куда. Степан стал осторожно приближаться к джипу. Внутри мог оказаться кто угодно, например бандюган с автоматом...

Тут дверь со стороны водителя открылась, и изнутри выскользнул молодой парень в кожаном навороченном пиджаке, кожаных штанах и расстегнутой на груди до пупа шелковой рубашке. Развернувшись на месте, точно марионетка, он посмотрел на Степана пустыми серыми глазами и глупо улыбнулся. Он точно не понимал, как здесь оказался.

– Стой на месте и не двигайся, – рывкнул Степан, подозревая, что парень под кайфом. Зрачки его были сужены до точек, а движения резкие – у пьяных подобного не бывает.

Дико захохотав, водитель джипа метнулся в сторону и по-

бежал по залу к главному выходу. Он сделал это столь стремительно, что Степан на какое-то мгновение растерялся.

– Стой, стрелять буду, – заорал Степан, бросаясь за ним.

Однако парню было абсолютно плевать на оружие. Он не воспринимал угроз. Выбежав на улицу, лихач с безумным смехом побежал к набережной.

– Стой, сука, – закричал Степан, задыхаясь. Бегать с автоматом, в бронежилете в его возрасте было делом не простым, но сдаваться он не собирался.

Неожиданно парень изменил траекторию движения, свернул и легко перемахнул забор, огораживающий площадку строящегося здания. Стиснув зубы, Степан повесил автомат на плечо, а затем попытался проделать то же самое. Не зря же он был командиром спецназа. Прыгнул, зацепился, подтянулся, собирался уже перемахнуть на ту сторону, как внезапно хлипкий забор затрещал и развалился под ним. Матерясь, Степан свалился на другой стороне и увидел, как преследуемый скачет, точно горный баран, по строительным конструкциям цокольного этажа. Энтузиазма и энергии ему было не занимать. Наркотик придавал силы и заставлял думать, что он всемогущ и бессмертен. Собственный автомат показался Степану бесполезным. Он никого не собирался убивать, а парень явно не хотел останавливаться и не слушал его угроз. С цоколя строящегося здания он перемахнул на ванну с раствором, которую поднимал кран. Крановщик заметил это и прекратил подъем. Ванна рывком остановилась. Парень не

удержался за стропы и нырнул в раствор с головой.

С уровня второго этажа слышались крики рабочих:

– Эй, козел, ты что делаешь!

Обливаясь потом и проклиная все на свете, Степан оббежал площадку по периметру. Парень тем временем спрыгнул с ванны вниз в кучу песка. До него было метров двадцать. Степан рывком преодолел последнее расстояние и столкнулся с беглецом нос к носу. К этому моменту парень уже держал в руках резак и чиркал зажигалкой, высекая пламя. Степан открыл рот, но сказать ничего не успел. Противник наконец справился с горелкой. Струя пламени ударила из сопла.

– Ну, подходи, – заорал он Степану дерзко, а когда тот попытался приблизиться, стал махать перед собой факелом, вопя: – Ну давай, подходи, служивый! Жопа тебе будет! Жарко, да?

Степан легко уклонился от пламени резака, потом перехватил руку парня и как следует врезал ему под дых. Тот упал, выпустив оружие, но тут же вскочил и кинулся на противника с кулаками. Ударов Степана он словно не чувствовал: первый – сломал ему нос, второй – рассек скулу, третий – щеку. Секунда – и лицо мажора напоминало цветную капусту. Степану тоже досталось, хотя большую часть ударов блокировал бронежилет. В заключение парень схватил с земли брусок и неожиданно с разворота перетянул Степана по руке, которой тот пытался защититься. Потом он все так же быстро бросился бежать. Разъяренный Степан подхватил

из кучи рулон толя и швырнул ему в спину. Парень упал, но снова поднялся. Степан прыгнул ему на спину и вновь прижал к земле. Вырваться он уже не смог и лишь шипел от злости по-змеиному. Рядом валялся кусок толстой стальной проволоки. Степан скрутил этой проволокой плененному руки за спиной, а затем, рывком поставив на ноги, толкнул к выходу и прикрикнул:

– Шагай, пададь!

– Ты даже не представляешь, на кого полез, гнусь, – прошепелявил парень, оборачиваясь. – Ты уже труп, мусор, труп!

– Пшел. – Степан дал ему пинка, не обращая внимания на слова. Многие ему грозили, и ничего – жив пока.

– Ты у меня еще в ногах будешь валяться, – пообещал парень, нервно хохотнув. – Приползешь, сука, на брюхе.

– Сейчас вот дам по башке прикладом, и сам поползешь, – заверил его Степан, наградив очередным пинком.

– Я велю, чтобы тебя пытали перед смертью, – прошипел парень и, сплюнув кровь на песок, рванулся вперед к воротам.

– Опять? – взревел Степан, кидаясь за ним. – Мне уже надоело бегать!

Не разбирая дороги, парень кинулся через улицу. Мгновение спустя завизжали тормоза, и водители стали возмущенно сигналить. Сначала парня едва не сбил автобус, потом слегка зацепила «Мазда», и в довершение своего опасного трюка

ка он оказался на капоте «десятки», в которую сзади въехал «ЗИЛ». От удара беглец скатился на дорогу, прямо под колеса затормозившей милицейской «шестерки». Сотрудники ДПС были озадачены таким поворотом событий. Парень лежал без сознания, весь покрытый кровью и цементным раствором.

– Интересно девки пляшут, – протянул пухлый лейтенант, выбравшись из машины. С места водителя патрульной машины вылез молодой сержант. Оба посмотрели в сторону приближавшегося Степана.

– Свой, – поспешил он предупредить милиционеров, демонстрируя удостоверение.

– Чего это? – покрывшись румянцем, поинтересовался лейтенант, указывая на тело под ногами.

– Вот этот черт пять минут назад на проспекте Калинина сбил трех человек и скрылся. Я преследовал его. Он вон там, на соседней улице, въехал в салон белья, а потом побежал сюда, на стройку. Я его пытался скрутить, но – увертливый, гад, и вдобавок обдолбался каким-то дерьмом.

– А его машина там осталась, в салоне? – уточнил лейтенант.

– Да, черный джип «Тойота Ленд Крузер» номер А007АР.

– Номер-то... – испуганно начал было сержант, но Степан перебил его:

– Права купил, наверное, или машину угнал. Парень полный отморозок, и наркоман к тому же. Не думаю, что такой

в правительстве работает.

– А может, ему папа дал машину покататься, – мрачно заметил лейтенант.

Степан замолчал. В пылу погони он как-то не задумывался обо всем этом, однако теперь жалеть было поздно. Взгрел щенка хорошенько, так взгрел, подумаешь, телесные повреждения! Он тоже пострадал. Вот возьмет и поедет сейчас в больницу да все зафиксирует...

Переговорив по радиации с диспетчером, лейтенант доверительно сообщил:

– В городе происходит черт знает что. Десять минут назад от банка угнали инкассаторскую машину с пятьюдесятью миллионами. Этот молокосос сколько дел наворотил, – пнул он лежавшего ничком парня и продолжал: – А вчера на посту задержали сына главы администрации Ленинского района, пьяного в сисью. Он еще размахивал поддельным удостоверением полковника ФСБ. Купил бы хоть лейтенантское. Со всем не догоняет, что сопляк не может быть полковником, физически не может, мать его...

Потом он пригляделся внимательнее к Степану:

– Слушай, братан, а ты ведь инкассатор...

– Машину я не угонял, – сразу оборвал ход его рассуждений Степан, – взял во временное пользование, чтобы догнать этого выродка на джипе. Деньги в полной сохранности. Машина стоит на соседней улице. Там мой напарник. Он уже, наверное, доложил обо всем начальству.

– Вась, слышишь, за час два дела раскрыли, – весело бросил лейтенант напарнику, хватаясь за рацию.

– Да радоваться-то особенно нечему, – кисло заметил сержант, косясь на тело на асфальте. Парень застонал и пошевелился.

– Сейчас разберемся во всем, – заверил лейтенант, подмигнув Степану. – Не повезет тебе, мужик, если этот сопляк и правда тот, о ком я подумал. Молись, чтобы машина была угнанной, а этот – вором.

Степан тяжело вздохнул и взял трезвонивший сотовый. Звонил Антон.

– Слушай, как у тебя там? Догнал? – возбужденно затараторил напарник в трубку.

– Догнал, – грустно подтвердил Степан. В его душе нарастало тревожное чувство. Казалось, что он совершил ошибку, и не просто ошибку, а самую большую в своей жизни. Да, он действовал так, как должен был действовать офицер спецназа. Однако вряд ли кто оценит его героизм.

– Я Семенычу доложил обо всем. Он весь на говно исходит, тебя требует. Орет, как истеричная баба. Я чуть не оглох. Держал сотовый на вытянутой руке. Даже громкой связи не надо было. Тебе лучше мчаться к нему прямо сейчас.

– Скоро буду, – пообещал Степан без особой уверенности в голосе.

Из милиции его отпустили лишь под вечер. Степан поехал на работу, написал заявление на увольнение. Семеныч предупредил, чтобы он не ждал расчета. Вся его зарплата пойдет на возмещение материального вреда и восстановление машины. Степан сдал оружие, по пути домой заехал в медсанчасть и «снял» побои. Мало ли... В голове у него точно каша варилась. Мысли наползали одна на другую. Главная – где найти новую работу? Степан перебирал в уме знакомых, но так и не решил, кому позвонить. Дома он принял душ, плюхнулся на диван и принялся детально восстанавливать в памяти все то, что он говорил следователям. То же самое надо будет повторить на суде. Парень попал в больницу. Отделал он его прилично. Про машину к вечеру сообщили, что она действительно заявлена в угон. Как ни допытывался Степан, ему так и не сказали, кому же принадлежал джип. Какие могут ожидать осложнения? За причинение тяжких телесных повреждений могут припаять срок и штраф. Но не трудно доказать, что он лишь защищался от парня-наркомана, которого колбасило от очередной дозы.

В дверь кто-то позвонил. Степан встрепенулся и сел на диване, соображая, кто бы это мог быть.

Визитер оказался настойчивым, а трель дверного звонка стала протяжной и нескончаемой.

Пришлось вставать и идти открывать.

– Кто там? – спросил он из-за двери.

Открывать кому попало не следовало, даже если ты обладаешь навыками спецназовца и имеешь глубокие познания в оружии, взрывчатых веществах, а также владеешь почти всеми видами восточных единоборств. Против выстрела из дробовика с близкого расстояния все твои навыки ничего не стоят. Спасти может лишь быстрая реакция.

– Это Клим, – ответил из-за двери веселый голос. – Давай открывай! Или будешь держать на пороге?!

Степан узнал голос и глянул в дверной глазок. На лестничной клетке стоял высокий худощавый блондин с короткой стрижкой в наглаженном костюме. Это был майор милиции Клим Андреевич Гудков – старший оперуполномоченный убийного отдела городского УВД. Они много общались по работе, когда Степан работал следователем в том же УВД. Чем он был обязан подобному визиту? Друзьями они не были. Неужели по его душу?

Степан с бьющимся сердцем открыл дверь.

– Привет, – улыбнулся во весь рот Клим. За его спиной нарисовались двое оперативников из отдела и старший следователь следственного управления Алексей Горкер.

– Если хотите меня арестовать, то покажите бумаги, – пробормотал Степан, прикидывая, как действовать дальше. – В чем меня обвиняют?

– Да ладно тебе, мы же вместе работали, чего быкуешь? –

обезоруживающе улыбнулся Гудков. – Тебе надо поехать с нами и кое-что уточнить. На тебя тут заявление написали, и надо разобраться.

– А чего вы всей толпой заявились? – недоверчиво поинтересовался Степан. В голове он перебирал варианты, кто бы мог написать на него заявление.

– Ну, я знаю, какой у тебя крутой нрав, а кроме того, нам сказали, что ты совершенно съехал с катушек, – пояснил опер, – вот и подстраховались. Не хотели, чтобы ты глупостей натворил.

– А кто это сказал, что я свихнулся? – хмуро уточнил Степан и предположил: – Это случайно не из электросетей? Так они сами на меня наехали.

– Вот поедem и разберемcя, – уклончиво ответил Гудков.

– Ладно, – согласился Асолов, криво улыбаясь. – Можно мне одеться?

– Естественно, мы подождем, – кивнул Гудков и вошел в прихожую. За ним втиснулся опер Гена – детина исполинских габаритов.

– Я заехал в больницу и «снял» побои, вот справка. – Степан взял с тумбочки справку и протянул Гудкову. – Так что я тоже могу на них написать заявление.

– Значит, напишешь, – пробормотал Гудков, рассматривая справку. – Ладно, что мы все о работе да о работе... Как у тебя вообще, после увольнения из органов? Сейчас с работой туго.

– Нормально все, – ответил Степан, натягивая брюки.

– Нормально – это хорошо, – кивнул Гудков, прохаживаясь по коридору. Осматриваясь, он заглянул на кухню и заметил: – Живешь, прямо скажем, небогато.

– Ну, на меня деньги и в самом деле с неба не валятся, – буркнул Степан, заправив рубашку в брюки и поправляя складки. – Слушай, Клим, а нам обязательно куда-то ехать? Что, нельзя разругать ситуацию на месте? Давай я с ними встречусь, поговорю... Думаю, они заберут свое заявление.

– Нет, – Гудков был непреклонен, – сейчас в управлении министерская комиссия, поэтому будем делать все по правилам. Да и дело надо закрыть как можно быстрее, иначе ты нам всю статистику испортишь. Мы тебя даже доведем с ветерком. Не придется самому топтать завтра по повестке.

– Мужики, какие вы все-таки добрые и заботливые, – с иронией заметил Степан, направляясь в коридор.

– Что есть, то есть, – улыбнулся Гудков.

Надевая ботинки, Степан натолкнулся на тяжелый взгляд Гены, загородившего своим массивным телом дверь. В его мрачном лице не было ни намека на улыбку.

В душе у Степана зашевелились нехорошие предчувствия. Как можно беззаботнее он бросил оперу:

– Слушай, а давай повестку, и я завтра сам явлюсь.

– А давай без «давай». – Приветливая лживая улыбка соскочила с лица Гудкова. – Мы тебя сейчас отвезем в управ-

ление, запишем твои показания и отпустим. Не надо кочевряжиться. Я ведь стараюсь быть вежливым.

— Да я тоже, — хохотнул Степан.

У него внутри шла борьба. Что делать, поехать с ними или оказать сопротивление и сбежать? Если он поедет, его, возможно, не отпустят, будут держать в камере до суда, а потом — суд и срок. Поскольку тяжелых увечий он никому не наносил, есть вероятность отделаться условным сроком. Знакомый адвокат имелся. А сознаться в чем-то, чего он не совершал, они его не заставят. Раз в управлении комиссия, то и пытать сильно не посмеют. Второй путь предполагал оказать активное сопротивление работникам правоохранительных органов, что влекло за собой более тяжелые последствия, и условным сроком здесь и не пахло. Степан решил сдаться. Надев ботинки, он прошел в окружении оперов до милицейского «уазика».

Глава 2

Губернатор Павел Игнатьевич Юхно чувствовал, что еще немного, и он спятит от злости. Высокий, широкий в плечах, он напоминал добротный дубовый шкаф, облаченный в дорогой костюм от Армани. У него было много важных государственных и не совсем государственных дел, а тут приходилось бросать все и заниматься отпрыском, который без посторонней помощи даже задницу подтереть не мог. Шагая по больничному коридору, Юхно представлял, как сносит всех вокруг мощными ударами – медперсонал, больных. В молодости он занимался боксом и часто развлекался тем, что на спор врубался ночью в какую-нибудь незнакомую компанию, на беду тусовавшуюся в неосвещенном месте, и укладывал всех на асфальт одним ударом. Не жалел даже девушек. Ни одного спора он не проиграл. И главное, его ни разу не поймали. Ментам в то время было плевать на подобные «мелкие шалости». На каждом шагу грабили и убивали, в то время как его жертвы отделялись переломами да сотрясениями. Теперь Павел Игнатьевич себе такого не позволял, хотя в некоторые моменты очень хотелось вспомнить буйную молодость и проломить парочку черепов.

– С дороги, – проревел Юхно дежурившим у входа ментам и рывком распахнул дверь VIP-палаты.

Юхно-младший в этот момент тискал на кровати смазли-

вую медсестру. Завидев его, сын побледнел, отчего синяки и ссадины проступили на лице еще отчетливее.

– Вон, – заревел Павел Игнатьевич, и медсестра шмыгнула мимо него к выходу, на ходу застегивая халат.

– Папа, я сейчас все объясню, – залепетал сын.

– Заткнись, – рявкнул Павел Игнатьевич, захлопнув за медсестрой дверь, и повернулся к сыну с перекосившимся лицом. – Что же ты, сучонок, делаешь! Я же тебя предупреждал! Говорил ведь! У меня выборы на носу, а ты за старое... Как мне получить поддержку этих мудаков – избранников областного Совета депутатов? Конкуренты же схватятся за эту тему! Да что там, как вонь поднимется, так сам президент мою кандидатуру завернет еще на подходе! А знаешь, что с тобой, говнюк, будет, когда я власть потеряю?!

– Ничего я не делал, это все этот мент, – робко возразил младший Юхно. – У друга был день рождения. Мы посидели немного, а потом я поехал домой, а эта гнида погналась за мной. Я не хотел тебя подставлять! Я поэтому и хотел от него оторваться.

– Эдик, не парь мне мозги, мне уже обо всем доложили. – Павел Игнатьевич стиснул кулаки так, что хрустнули костяшки. – Еще раз соврешь, и я забью тебя до смерти! Мне не нужно такое говно, как ты, вместо сына!

– Ну, давай, забей, – неожиданно визгливо закричал младший Юхно, – только как это будет смотреться перед выборами?

– Хорошо это будет смотреться! Люди скажут спасибо, что избавил мир от такой мрази, – оскалился Павел Игнатьевич. – Я знаю, что ты вчера с компанией своих дружков-придурков после дня рождения завалился в ночной клуб. Вы там догнались, а потом отполировали все кокаином и колесами. Утром тебя никак не могли выпихнуть из заведения, вызывали ментов, но те зассали и не стали вмешиваться. В половине девятого тебе вздумалось покататься на машине, хотя ты и дороги-то не видел. И ты покатался – сбил троих человек, двое из которых в морге, а еще одна баба в больничке отдыхает. Врачи сказали, что она калекой будет.

– Да случайно все вышло. Они сами, как бараны, на дороге лезут. Че, не видели, что я еду! – развязно воскликнул Эдик.

– Есть запись с камер видеонаблюдения супермаркета, – хищно улыбнулся Павел Игнатьевич, прожигая сына взглядом, – там видно, что ты пер по встрече.

– Ладно, я виноват, и это больше не повторится, – нехотя признал Эдик, пряча глаза. – Все, начинаю новую жизнь.

Однако Юхно-старший прекрасно знал, что это просто слова. Сын уже много раз обещал начать новую жизнь, бросить наркотики, игры в подпольном казино, проституток, а потом вновь появлялись снимки в газете, где он отдыхал в интересной компании. И ладно бы об этом писали местные шелкоперы – нет, скандал уже вылился на федеральный уровень. Видно, против него, губернатора, что-то затевалось

врагами. Иначе быть не могло.

– Да, новую... на нарах тебе будет все в новинку, – стиснув зубы, процедил Павел Игнатьевич. – На этот раз скажу ментам, чтобы прессовали тебя по полной. Сядешь, а я пойду на выборы с лозунгом «перед законом все равны». Тут меня ни конкуренты не смогут поддеть, ни пресса.

Эдик мигом изменился в лице и подскочил на кровати:

– Папа, ты что, серьезно?! Что ты говоришь?!

– Что, возбудился? – мстительно ухмыльнулся Павел Игнатьевич. – У меня другого выхода нет. Ты меня подставил аккурат перед выборами. Теперь придется потерпеть месяц-другой.

– Да ты в натуре спятил, – во весь голос заорал Эдик, весь зеленый от страха, – ты спятил! Я не выживу там и дня!

– Выживешь, – раздраженно отмахнулся Павел Игнатьевич, – другие как-то живут.

– А мама знает? – дрогнувшим голосом спросил Эдик. – Она знает, что ты свихнулся, что хочешь посадить меня вместе с уголовниками?

– Знает, – кивнул Павел Игнатьевич. – Она на все согласна, потому что уже не знает, что с тобой делать. Такие, как ты, кончают под забором. Тебе твои же дружки по дури перо в бок пристроят или твой тупой калган проломают, а не то – от СПИДа сдохнешь... А в тюрьме тебе никто наркотиков не даст. Поломаешься на сухую и выйдешь новым человеком.

– Заткнись! Заткнись! Я не сяду в тюрьму, – истерично

закричал Эдик, брызгая слюной, – меня там опустят! Ты этого хочешь? Ты, урод!

Мгновение спустя Павел Игнатьевич оказался перед сыном, сгреб его с кровати за воротник и вздернул тело вверх с диким ревом:

– Че ты сказал, паскуда?! Как ты меня назвал?! Боится, что его опустят, – маменькин сынок! Да ты сам себя давно опустил! Сядешь! А если будешь возбухать, я попрошу, чтобы тебе срок побольше дали. Сиди тихо и не разевай пасть!

– Ты задушишь меня, – жалобно пискнул Эдик, стараясь ослабить хватку пальцев родителя на своем горле. – Пусти!

– Кусок дерьма, – со злостью Павел Игнатьевич швырнул сына на кровать и быстрым шагом вышел из палаты.

Еще немного, и он действительно врезал бы ему. Сын вел себя как последняя сволочь. Ему следовало преподать урок. Пусть теперь помучается. Павел Игнатьевич вяло улыбнулся, когда представил себе, как сынок сейчас названивает мамочке и рыдает в трубку. Нет, сажать он, конечно, его не собирался. Все сказанное было лишь для острастки оборота. Дело он легко замнет, тем более что милиция у него давно в кармане. Газетчики тоже не рыпнутся. Он провел с ними надлежащую разъяснительную работу, все всё поняли. Правда, была еще федеральная пресса, которая ему неподконтрольна. Но и тут он кое-что придумал. Оставалось решить, что дальше делать с сыном. Это ведь не последний его фортель. Послать его за границу, в клинику?

– Павел Игнатьевич, у вас все в порядке? – вежливо осведомился высокий крепкий парень в легком сером костюме. Это был Георгий Вереск – начальник службы безопасности. Он ожидал босса в коридоре и теперь шел рядом с ним к выходу. На улице их ждали еще двое крепких ребят в костюмах.

– Какое, на хрен, в порядке, где ты порядок видел? – озлобленно огрызнулся губернатор.

Шофер с рябым лицом и колючими глазами учтиво распахнул перед ним дверцу бронированного «Volkswagen Tiguan», и Павел Игнатьевич опустился в уютное кресло иномарки. Шофер закрыл дверцу, сел за руль и выжидающе посмотрел в зеркало заднего вида. В его тусклых голубых глазах был написан немой вопрос.

– В Белый дом, – скомандовал губернатор, вытаскивая из чехла сотовый. Порывшись в записной книжке, он нашел номер начальника УВД. Несмотря на поздний час, голос у начальника был бодрый.

– Сан Саныч, как у нас там дела? – поинтересовался Павел Игнатьевич без долгих предисловий.

– Его взяли, все будет нормально, не беспокойся, Паша, – заверил начальник УВД.

* * *

Степан сразу понял, что быстро его не отпустят. Оперативники, что держались по бокам, едва они вошли в кабинет,

грубо усадили его на стул и сковали руки за спиной наручниками. Клим Гудков развернулся к нему лицом и уселся на письменный стол. Алексей Горкер стоял рядом и перебирал бумаги в папке, которую взял со стола.

– И что это значит? – спокойно поинтересовался Степан.

– А это значит, что ты крупно попал, Степа, – любезно ответил Гудков. – И от того, договоримся мы с тобой или нет, зависит твоя жизнь и здоровье.

– О чем договариваться, не пойму, – Степан удивленно вскинул бровь. – Может, пояснишь?

– Поясни, – указал Гудков следователю на Степана.

Алексей Горкер пригладил и без того зализанные волосы, а затем, продемонстрировав напечатанный лист, зачитал:

– Заявление. Я, Степан Сергеевич Асколов, такого-то года рождения... уроженец... тра-та-та, ...признаю, что я утром двенадцатого июля сего года угнал инкассаторскую машину с целью завладеть перевозимыми ценностями, а именно деньгами в сумме сорока двух миллионов пятисот семидесяти тысяч рублей. В процессе угона я сбил на перекрестке трех пешеходов. Затем, испугавшись ответственности, бросил машину и попытался бежать, но был задержан у себя дома сотрудниками милиции. Я раскаиваюсь в содеянном и готов понести справедливое наказание.

– Не хватает только твоей подписи, – бросил Гудков, когда следователь закончил читать.

– Эту бумагу нужно переписать от руки аккуратным кра-

сивым почерком и подписать. Если ты это сделаешь, обещаю, что судьи к тебе будут лояльны, и ты получишь минимальный срок.

– А если я не согласен? – с вызовом спросил Степан. Его сердце глухо ухало в груди, а по спине побежали мурашки. Все было хуже, чем он предполагал. Намного хуже.

– Ну, если не согласен, – делано округлил глаза Гудков, – тогда мы поможем тебе согласиться.

– Не убедил, – упрямо возразил Степан, косясь на Гену Жаркова.

Тот напоказ разминал кулаки, демонстрируя неистребимую жажду убеждать всех и каждого. Такой точно поможет согласиться, причем на любые условия. Однако Степан прошел спецназ, и такие методы на него не действовали.

– Все равно подпишешь, – ласково заверил его Гудков и кивнул Гене.

Амбал с готовностью саданул Степану кулаком в живот, затем ударил наотмашь по лицу и снова в живот, одним ударом рассек губу. Степан почувствовал вкус крови во рту. От следующего удара слегка зашумело в голове. Ничего, бывало и покруче. Скоро они поймут, что он все равно ничего не подпишет, и отстанут. Степан весь подобрался, напряг мышцы, готовясь к следующему удару.

– Дальше будет только хуже, – пообещал Гудков, когда оперативник прекратил его избивать.

– Ну, легкий массаж еще никому не мешал, – осклабился

Степан и сплюнул кровь. – И кто же так пытается, дилетанты?!
Задержанного по лицу бить нельзя, сразу следы остаются.

– Шутишь? Да нам насрать на следы, до суда они сто раз успеют сойти, – криво улыбнулся Гудков и бросил второму оперативнику Артему Новохватскому: – Давай «слоника».

Артем с безмятежным лицом достал из шкафа противогаз, заткнул пробкой дыхательное отверстие и натянул его на голову Степану. Тот попытался было сопротивляться, но сзади всем весом навалился Жарков и усадил его обратно на стул. Глядя сквозь мутные смотровые стекла противогаза на улыбающегося Гудкова, Степан поклялся себе, что отомстит отморожку за все это во что бы то ни стало. Потом он почувствовал, что задыхается, дернулся, попытался вырваться из державших его рук, а затем потерял сознание.

Очнулся он от звонкой пощечины. Над ним склонился озабоченный Гудков.

– Очухался? Желание написать признание не появилось еще?

– Пока нет, – пожал плечами Степан. Он старался выглядеть как можно равнодушнее.

– Продолжаем, – кивнул старший оперативник Артему Новохватскому.

Тот снова напялил на голову жертве противогаз. И опять Степан пытался вырваться, потерял сознание и поник головой.

– Крепкий орешек, – заметил следователь.

– У меня и не такие бобы кололись, – ухмыльнулся Гудков.

– Наверное, вы тут сами разберетесь, а я, пожалуй, пойду, – начал было Алексей Горкер, протянул руку, чтобы попрощаться, но старший оперативник его оборвал, весело воскликнув:

– Куда это ты собрался! Сейчас мы его дождем, и все вместе завалимся в какой-нибудь шалман. Я тебе не позволю самое интересное пропустить. – Заметив, что Степан приходит в себя, Гудков приказал подчиненным: – Давайте электрошоком попробуем. Время уже позднее, я не собираюсь из-за него всю ночь здесь торчать.

Гена Жарков достал из кармана шокер и ткнул им жертву в бок. Степан весь изогнулся и застонал.

– Стой, – рывкнул на оперативника рассерженный Гудков. – Надо было спросить сначала, а потом тыкать! А то весь смысл теряется. Мы же результата хотим добиться, а не просто так над людьми издеваемся.

– Я че-то не подумал, – виновато пробормотал Жарков, потупив взгляд.

– Эй, Степа, ты как там? Не надумал еще с нами сотрудничать? – ласково спросил Гудков у Степана.

Не дождавшись ответа, дал знак Жаркову, и тот с удовольствием применил электрошок повторно.

– А теперь как? – поинтересовался Гудков.

– Кверху какой, – прохрипел Степан, не намереваясь сда-

ваться.

– Давай еще, и подольше, – скомандовал Гудков оперативнику.

В глазах у Степана потемнело. Он бился в судорогах, потом осел, обессиленный, на стул, обливаясь потом.

– И как мы решим? – вкрадчиво поинтересовался у него Гудков.

– Через как, – процедил сквозь зубы Степан. Злость давала ему силы. Он не покажет слабости перед этими уродами. Хрен им!

– Может, ему пальцы поломать? – задумчиво пробормотал Новохватский. – Потом можно будет написать, что оказал сопротивление и прищемил дверью. Или марьяну сделаем.

Гудков выжидающе глянул на Степана, но натолкнулся на его спокойный взгляд и покачал головой:

– Нет, этот не расколется.

– И что тогда делать будем? – нервно поинтересовался Горкер. Он не находил себе места, и чем дальше затягивался допрос, тем тоскливее ему становилось.

– Кончать его надо, и все тут, – бросил Гудков, глядя в глаза Степану. – Ничего мы от него не добьемся.

В голове у Степана промелькнуло: «Блефует».

Тем не менее в душе было неприятное ощущение. Он знал, насколько его коллеги были отмороженными. С таких станется. Нужно выбирать. Аккуратно пальцем правой ру-

ки Степан нащупал кусочек проволоки от разогнутой скрепки, который он воткнул в манжет рубашки еще дома. При досмотре его не нашли. Проволока была загнута на конце так, что получался крючок длиной два-три миллиметра. Ухватив ногтем за крючок, Степан вытащил проволоку из ткани. Жарков стоял сзади справа, но ничего не заметил. Он смотрел на начальника, ожидая команды.

Горкер приблизился к старшему оперуполномоченному вплотную и шепотом спросил:

– Как это кончать? Ты забыл приказ? Могут быть проблемы. Ты и меня подставляешь.

– Проблемы будут, если он живым дойдет до суда, – зло возразил Гудков.

Горкер решительно подошел к Степану:

– Слушай, Степа, ты, может, чего-то не понимаешь? Я объясню. Если ты не подпишешь признание, тебе конец. До суда ты не доживешь. Тебя кончат прямо сейчас. Из тюрьмы можно выйти, а с того света уже не возвращаются. Чего еще не понятно? Давай, подписывай прямо сейчас.

– А в этом и впрямь что-то есть. С того света действительно не вернешься, – пробормотал Степан, отвлекая палачей разговором, – точно ведь подмечено. Если есть шанс, нужно его использовать. – Развернув руки в наручниках друг к другу, он вставил крючок в скважину наручников, затем медленно, аккуратно поворачивая вокруг штифта против часовой стрелки, нащупал защелку, зацепил и замер.

– Чего ты там бормочешь?! Эй! Кончай придуливаться! Так ты подпишешь или предпочитаешь сдохнуть? – заорал на него Горкер, потеряв остатки терпенья. Он не привык присутствовать при пытках. Обычно грязную работу за него выполняли другие. Следовательно чувствовал, что сам готов приставить пистолет к голове задержанного и нажать спусковой крючок, лишь бы быстрее закончился весь этот ужас. Операм-то не привыкать...

– Освободите руки, и я подпишу, – спокойно произнес Степан.

– Освободи, – кивнул Жаркову Гудков и добавил: – Только осторожно, парень-то горячий.

Оперативник шагнул к нему, доставая ключ. Все остальное произошло за доли секунды. Степан отжал защелку наручников и, удерживая ее, освободил руку, ухватил заметившего его маневр опера за горло и уложил себе на колени, перехватив попутно руку с электрошокером, а затем пнул ногой в лицо следователя. Последний как раз услужливо склонился к нему с листком бумаги и ручкой. От удара Горкер отлетел назад и сбил с ног старшего оперуполномоченного. Рванувшийся к Степану Новохватский напоролся на электрошокер, получил разряд и упал на колени. Затем Степан, не раздумывая, ударил кулаком в висок сопротивлявшегося Жаркова и столкнул обмякшее тело на пол. Вскочил на ноги и мощно засадил ногой Новохватскому прямо по лицу. Кровь брызнула на стену, а на пол выпал выбитый резец. Тот

рухнул на бок и сразу ушел в нирвану. Отталкивая налетевшего на него следователя, Гудков рвал из кобуры пистолет. Горкер же впал в ступор и боялся пошевелиться. Он смотрел на крушившего коллег разъяренного Степана, как кролик на приближающегося удава.

Через секунду Степан очутился перед ними, перехватил руку Гудкова с пистолетом и несильно врезал ему в челюсть, а затем ухватил следователя за пиджак и саданул ему коленом в живот. Горкер упал на карачки, ловя ртом воздух. Степан вырубил его ударом по шее сзади. Потом подтянул к себе валившегося назад опера, ткнул в нос его же пистолет и провел удар ногой по стопе бывшего коллеги, приводя в чувство. Прием был очень болезненный. Гудков застонал, открыл глаза и выпучился на пистолет.

– Ну, кто теперь здесь главный, гнида? – зло поинтересовался Степан.

– Ты совершаешь большую ошибку, – срывающимся голосом проронил старший оперуполномоченный, озираясь. От подчиненных помощи можно было не ждать – все в глубоком ауте, включая следователя. – Теперь тебе конец. Если убьешь меня, то...

– Заткнись, – оборвал его Степан, дал под дых коленом, усадил на стул и сковал руки наручниками за спиной. – Вот теперь поговорим. – Аккуратно приблизившись к входной двери, он убедился, что она закрыта, и продолжил, обходя комнату и собирая у поверженных оперативников оружие:

– Итак, шкура, кому ты меня продал? Для кого стараешься, подставляешь меня?

– Если даже и узнаешь, тебе это все равно не поможет, – пробормотал Гудков с жалким видом..

– А ты скажи, мне просто интересно, – улыбнулся Степан.

Разыскав в столе у хозяина кабинета моток скотча, он принялся связывать оперов и заклеивать им рты, чтобы, очнувшись, они не подняли шума. Гудков молчал. Степан подошел и заклеил ему рот скотчем, потом взял с полки Уголовный кодекс и обрушил увесистый том на голову оперативника. Пусть на себе прочувствует все прелести ментовских пыток. Степан и сам не церемонился с подозреваемыми, когда был точно уверен, что они виновны, однако он никогда не переходил определенных границ, не пытал стариков, женщин и подростков. Ограничивался лишь запугиванием.

От удара Гудков покачнулся, затряс головой и замычал.

– Что, не нравится? – с деланным изумлением поинтересовался Степан и врезал книгой по башке еще раз. Этот метод был безотказным. Следов на подозреваемом не оставалось, а ему самому казалось, что мозги в башке переворачиваются.

Гудков яростно мычал, а Степан делал вид, что не может понять, чего он хочет.

– Чего мычишь, бычара? Видел бы ты себя со стороны, обделался бы со смеху. Ты так смешно глаза таращишь, будто тебе в задницу дубинку засунули... – Он сделал паузу и добавил со счастливой улыбкой: – Слушай, а это мысль. – Он

взял со стола резиновую дубинку. – Определенно, это может сработать. А ты как думаешь, редиска?

Гудков замычал так, что все лицо покраснело, а глаза почти вылезли из орбит.

– Какой-то ты молчаливый, – пожал плечами Степан и врезал оперативнику под ребро, затем подхватил его со стула, поднял и швырнул на пол со скованными за спиной руками, объявляя: – А теперь парашют!

Грохнувшись об пол, Гудков застонал, но уже слабее. Степан снял с него ботинки и как следует прошелся дубинкой по пяткам. После этого содрал со рта оперативника скотч и вежливо спросил:

– Вас еще разогреть или переходим сразу к танцам?

– Ты сука! Да я тебя... – хрипел, задыхаясь, Гудков.

Степан придавил ему коленом пах и спросил:

– Я так понял, что ты еще не созрел для разговора?

– Что тебе надо, тварь?! Пусти-и-и! – выдавил из себя сквозь зубы Гудков, извиваясь на полу от боли.

– Имена, кто был тот пацан на джипе и кто его велел прикрыть? Я знаю, это какая-то шишка из правительства области.

– Это сынок губернатора. Его папашка отмазывает. Мы не могли ничего сделать, иначе бы он нас в порошок стер.

– Ясно, – кивнул Степан и поднялся с пола.

Гудков перевернулся на спину и заискивающе посмотрел ему в лицо:

– Слушай, сам подумай. Если убьешь нас, тебе все равно никакого проку. Тебя назначили преступником – и этого уже не изменишь. Сам виноват. Какого хера ты за тем пацаном погнался? Не строил бы из себя героя, мы бы здесь не встретились.

– Да я уже все понял, – вздохнул Степан с грустным видом. – И с тобой все ясно, падаль.

Склонившись к оперативнику, он снова заклеил ему рот скотчем. Ощупал карманы и нашел связку ключей. Один из них подходил к большому сейфу, который стоял в углу.

– Проверим, что у тебя тут. – Степан стал переворачивать содержимое и обнаружил в верхнем отделении пистолет с глушителем, упакованный в полиэтилен, и две пачки патронов. Рядом лежали деньги. Пачка тысячных банкнот и пятьсот долларов сотнями.

– Честно говоря, я думал, что у тебя заначка поболее, – признался Степан, распахивая деньги и патроны в карманы, потом, заметив боль во взгляде оперуполномоченного, добавил: – Из тюрьмы выйду, устроюсь на работу и отдам все до копейки. Отвечаю!

В этот момент в дверь осторожно постучали. В глазах Гудкова блеснула надежда. Он дико замычал и завозился. Степан навел на него пистолет и громко крикнул хриплым голосом:

– Заняты, мля! – И затем, пиная опера ногами, страшно взвыл: – Будешь говорить, падла? Сучара!

Стук больше не повторился. Тот, кто приходил, поспешил удалиться, дабы не мешать тонкому процессу дознания. Выдохнув, Степан посмотрел на майора. Гудков вырубился.

Что ж, и к лучшему. На связке ключей Гудкова болтался брелок автомобильной сигнализации. Значит, его машина стояла у входа на стоянке. В стенном шкафу висел парадный мундир Гудкова, пошитый на заказ в ателье; опер им очень гордился. Криво улыбнувшись, Степан снял мундир и сложил в полиэтиленовый пакет, валявшийся в шкафу. Форма ему может пригодиться. Заодно он вытащил удостоверение из кармана майора – тоже нужная вещь. Взял дубинку, электрошокер, наручники. Все это могло пригодиться позднее. Теперь главное выйти из здания. Через дежурную часть – не вариант. Степан открыл окно, осмотрел решетку, потомглянул вниз и пришел к выводу, что путь для отхода пригоден. Второй этаж, внизу клумба, в здании в этот час никого, кроме дежурной части. Установленные по периметру видеокамеры должны, по идее, контролироваться дежурным, но наблюдение велось из рук вон плохо, а значит, шансы его увеличивались.

Продумывая отход, Степан стянул с Новохватского джинсы, намочил их водой из графина, затем связал три ближайших прута решетки, отломал ножку у стула, подsunул под джинсы и стал накручивать на палку мокрую ткань по часовой стрелке. Приложив немало усилий, он таким образом отогнул прутья с одной и с другой половины окна, так что

образовался проход, в который можно было пролезть. Больше всего Степан боялся застрять. Особо примеряться было некогда, и он полез на свой страх и риск через разогнутую решетку. Выбравшись наружу, он спрыгнул вниз, присел и огляделся. Рядом из земли торчал кол из куска арматуры, поддерживавший чахлое деревце. Сверху он эту арматуру не заметил. Не хотелось даже думать, что было бы, если бы он приземлился на полметра левее. Выждав секунд двадцать, Степан пересек клумбу, вышел на дорожку и пошел вдоль здания УВД в сторону автобусной остановки, на ходу доставая связку ключей Гудкова. На зов брелока пискнул новый «Hyundai i30», стоявший справа от главного входа. Милицейские номера, тонированные стекла – то, что нужно. Степан быстро подошел, сел в машину, завел двигатель и вырвался со стоянки. Ни сирен, ни погони за ним не было. Он мог позволить себе передохнуть и подумать, что делать дальше.

Надеяться на правосудие мог лишь клинический идиот. Сдаваться кому бы то ни было – нельзя. Один вариант: найти сына губернатора и заставить прилюдно покаяться. Запугать, пригрозить, чтобы он сам побежал в милицию и признался во всем. Предприятие, конечно, сомнительное, но альтернативы ему нет, кроме как бежать из страны. Если с сыном не получится, то он прибегнет к запасному плану – бросит все и уедет, начнет жизнь с нуля где-нибудь на Востоке или в странах бывшего соцлагеря. Конечно, для начала новой жизни понадобятся деньги. Того, что он взял из сей-

фа Гудкова, хватит ненадолго. Домой возвращаться нельзя, к знакомым и родным тоже лучше не соваться. Опера теперь будут носом землю рыть, чтобы его найти. Повезло, что он никого из них не убил. В противном случае пришлось бы во сто раз хуже – менты жестоко мстят за своих.

Без проблем Степан миновал пост ДПС у перекрестка, свернул к знакомому ДК и остановился у пятиэтажной хрущевки. Несколько лет назад, когда он по заданию приехал в родной город под видом торговца оружием, он снимал квартиру здесь у одной бабки. Возможно, она запомнила его, и это облегчит процесс общения. Второй момент – квартира должна быть не занята, иначе придется искать другое место. Квартира надежная, проверенная. Удобные пути отхода и местность вокруг он изучил до мелочей. Степан решил дожидаться утра в машине, откинул сиденье, но уснуть никак не мог, ворочался и дергался от каждого шороха. Потом вообще во двор заехал милицейский «уазик».

Степан схватился за пистолет, однако стражи порядка явились не за ним. «УАЗ» остановился у третьего подъезда, патрульные нырнули внутрь и через некоторое время вернулись с нетрезвым гражданином, который пытался вырваться и что-то орал. Менты обработали его дубинками и закинули в машину, залезли следом, и «уазик» укатил. Свет его фар пронзил салон угнанного «Hyundai» насквозь. Затем свет ушел вбок, а звук работающего двигателя стал удаляться. Степан смахнул со лба испарину и подумал, что надо

бы отогнать машину подальше отсюда, если он хочет в этом районе снимать квартиру. С другой стороны, Гудков думает так же. Вряд ли кто-то бросит на виду угнанную машину рядом с убежищем, в котором собирается отсиживаться. Они, конечно, проверят близлежащие дома, но будут уделять им меньше внимания, чем, скажем, рабочему району. Там удобно затеряться. Степан решил ближе к утру отогнать машину в соседний двор.

Потом его мысли вернулись к основному вопросу: как найти сына губернатора? В больнице лезть к нему опасно, там кругом охрана. Лучше дожидаться, пока его выпишут. Сам пробить адресок парня он не сможет без того, чтобы не засветиться. А если воспользоваться опять же старыми каналами... Здесь в городе он неофициально работал с одним парнем-хакером. Хотя парень – это условно. Мужу было под пятьдесят, а он безвылазно сидел в виртуальном мире, рубился в сетевые игры и взламывал серверы серьезных организаций просто так, для забавы. Собственный внешний вид его не волновал, как не волновали ни женщины, ни даже деньги. Он заботился только об одной вещи – о своем компьютере, бесконечно совершенствуя его, добавляя память и различные примочки. Телефон этого чудака был записан у Степана в записной книжке и зашифрован. Только вот незадача – книжка осталась дома, а туда возвращаться нельзя. Это расстроило Степана, но тут он вспомнил, что несколько раз общался с хакером в аське. У того был довольно при-

мечательный ник – Фарамунд 100557, а вместо фотографии – изображение красного рогатого рыцаря агрессивного вида. Степан достал из кармана навороченный криптографический мобильный телефон Новохватского и вышел через него в Интернет. Найти Фарамунда было делом пяти минут. Несмотря на поздний час, хакер сидел в Сети.

Степан зашел под своим старым ником – Ворон-0777. Хакер его вспомнил моментально и поинтересовался, почему его так долго не было слышно.

– Были проблемы. Враги достали. Едва в свет не вышел, – ответил Степан, копируя манеру хакера, его сленг. Нехитрый словарь он выучил за время прошлого общения с Фарамундом.

– Опять Nc (без комментариев), я ведь вычислил, что это ты погасил тех Дренорских Демонов, что хотели нас всех во тьму погрузить. До меня потом дошли вести. Это же ведь ты их всех. ГГ (от англ. gg – good game).

– Да, я, но мне помогли, – признался Степан и добавил: – А теперь опять нужна твоя помощь.

– Kewl (хорошо). Я готов. Что, опять орка какого вытянуть из норы (пробить)?

– Ну, что-то в этом роде, – уклонился от прямого ответа Степан. – Записывай Акк. (Это означало, что ФИО и данные объекта будут вставлены в сообщение одному из участников форума, которого Фарамунд недолюбливал. У них и прежде была такая договоренность, чтобы не подставляться.) Мне

нужен только буров (адрес), где он обитает, место охоты (работы) или святилище (место учебы). Когда выяснишь буров, неплохо бы уточнить, на самом деле ли он там обитает или это Ехр. Он почти на уровне ДЛ (англ. DL – Dreadlord). Мне нельзяшний раз светиться, опасно.

– Ясно, сделаю, – пообещал Фарамунд. – А если не секрет, какой он нанес урон?

– Пока Нс, но потом гарантирую, все сам узнаешь, – ответил Степан и, попрощавшись, выключил сотовый, а затем вытащил из него батарею. Вряд ли кто-то поймет ту белиберду, про которую они говорили. Зато они отлично поймут сообщение, написанное для некоего чувака с ником Талур: «Юхно Эдуард Павлович, возраст в районе 23–25 лет».

Ответ Фарамунд, как и раньше, должен был сбросить ему на почтовый ящик с левого адреса. Если этого Талура возьмут в оборот, то он и знать не знает, кто ему прислал это сообщение.

* * *

За окнами стояла непроглядная ночь. Серые облака заслонили звезды. Где-то в стороне луна едва просвечивала красным пятном сквозь пелену. В кабинете старшего оперуполномоченного гулял ветер. Врываясь сквозь разогнутую решетку через открытое окно, он сбрасывал со стола и полок документы, листки бумаги, кружась, опускались вниз на ле-

жавших на полу оперативников. Гудков первым пришел к себе. Кое-как сорвав скотч со рта об угол стола, он попытался сделать то же самое с руками, но полчаса мучений закончились полным фиаско. Степан спеленал их умело. Старший оперуполномоченный взвыл от бессилия и стыда. Если позвать на помощь, то на них до конца дней каждый в управлении будет показывать пальцем. Такого еще не бывало, чтобы задержанный обезоружил трех оперативников и следователя, связал их, ограбил и сбежал. Стиснув зубы, Гудков пнул следователя, валявшегося рядом. Тот был похож на бомжа, который решил поспать где-нибудь в парке и прикрылся вместо одеяла листами бумаги. Пинок привел Горкера в чувство. Он завозился, охнул, перевернулся и посмотрел на майора. По глазам было видно, что он пытается сформулировать вопрос.

– Леха, подползи ко мне сзади и постарайся зубами снять скотч с рук, – приказал ему Гудков.

Исхитрившись, Горкер содрал скотч со рта и обиженно спросил:

– А почему я должен скотч грызть?

– А у тебя зубы крепче, – оскалился Гудков, повернувшись к нему спиной.

Следователь подполз, стал дергать зубами за скотч, попытался разгрызть, минут пять отплевывался, потом застонал:

– Ни хрена не выходит! Вообще ни с места, а у меня уже руки онемели!

– Лучше стараться надо, мля! Давай еще! Не скули! – заорал на него Гудков.

– Да пошел ты! – зло проворчал следователь. – Сам старайся! Надо покричать, парни из дежурки услышат...

– Как ты, придурок, потом все это объяснять будешь?! Да нам головы снимают! – разъяренно зарычал Гудков, изо всех сил напрягая мышцы. Однако путы разорвать было нереально.

– Так и так снимают, – с печальным видом сказал следователь. – Оружие он забрал, сбежал, своими силами быстро мы его не разыщем, это точно...

– Твою мать, – застонал Гудков. Только в этот момент он понял, что они вляпались в дерьмо по самые уши.

– Эй, я связан, не поможете мне развязаться? – прохрипел Новохватский, лежавший к ним спиной. Он тоже смог легко содрать скотч со рта, но вот дальше дело не пошло.

– Хер тебе, – рывкнул на него Гудков, краснея от натуги.

– Помогите! – заорал Горкер, не выдержав больше всего этого. – Помогите-е-е!

Он орал до тех пор, пока не сорвал голос.

– Эти мудаки, наверное, телевизор смотрят, – мрачно предположил Гудков. – Будем валяться до утра.

* * *

В дежурной части сидели трое: дежурный – майор Виктор

Стариков, его помощник лейтенант Василий Зотов (именно они отвечали по телефону), а также инспектор по разбору лейтенант Иван Гаврилов. Стариков и Зотов то и дело отвечали на телефонные звонки, приходившие на номер 02. С семи часов количество обращений всегда увеличивалось, достигая своего апогея в период с десяти вечера до часа ночи. В это время дежурным порой приходилось разговаривать по двум телефонам одновременно. Тучный майор взмок от напряжения. Время от времени между звонками он прикладывался к чаю и отвлекался на просмотр сериала про медиков, который Гаврилов гонял по компьютеру. Чаще всего причины звонков были семейно-бытовые: скандалы, ссоры, угрозы. Реже жалобы на соседей или пьяные компании, шумевшие в неурочный час перед окнами истомленных трудовыми буднями граждан. И уж совсем редко звонившие сообщали о преступлениях.

– Хорошо, что сейчас не выходные, – заметил Зотов, прикуривая сигарету от зажженной спички. – Если дежуришь в выходные, то это вообще мрак. Звонят и звонят, суки: эти, видите ли, громко разговаривают за стеной, этот на улице музыку врубил или кто-то смеется слишком громко. Могут так всю ночь звонить!

Стариков хмуро кивнул и снял трубку трезвонившего телефона:

– Да, да, понятно, сколько у вас гуманоидов на кухне? Ясно. Не волнуйтесь, они прилетели с добрыми намерениями.

Назовите ваш адрес, и мы вышлем наряд... – После паузы майор яростно швырнул трубку на аппарат, так что тот жалобно звякнул: – Тварь, трубку бросил! Третий раз уже звонит! Когда нам, мля, определитель номера поставят!

– А ты этому педриле в следующий раз дай телефон Сан Саныча, – посоветовал весельчак Гаврилов, – у шефа-то есть определитель. Тут-то мы его и вычислим.

– Идея неплохая... – Майор задумчиво поднял глаза к потолку – с верхних этажей отчетливо доносились призывы о помощи. – Ишь как надывается, болезный!

– Да, опера сегодня лютуют, – кивнул Зотов, стряхнул пепел в пепельницу и включил звук в колонках посильнее, чтобы крики допрашиваемого не заглушали сериал.

– Чего они ему рот не заткнут, – раздраженно бросил Стариков, хватаясь за звонивший телефон. – Дежурный, да, слушаю, какой телефон у ГИБДД?! Это не справочная, вы ошиблись! – Положив трубку, он промокнул лицо платком и глубоко вздохнул: – Господи, дай мне терпения!

Из милосердия к напарнику следующий звонок принял Зотов:

– ...пьяные дерутся? Сильно дерутся? Диктуйте адрес, сейчас вышлем наряд. – Записав все, лейтенант посмотрел на Старикова: – Что у нас с патрулями в районе Колоса?

– Никого поблизости нет, – покачал головой майор. – Ничего, подерутся и перестанут. У нас не десять рук. Четыре пеших и два мобильных патруля.

Сериал прервался небольшой паузой, и снова стали слышны хриплые крики сверху. Кричавший, судя по голосу, уже сорвал глотку.

– Вот сука, голосистый, – заметил Зотов.

– Мне показалось, что двое кричали, – неуверенно заметил Гаврилов. – Они что там, хором кричат, что ли?

– Эхо, – отмахнулся Стариков.

В этот момент за бронированным стеклом появился мужчина средних лет, с дикими глазами и всклокоченными волосами. Из разбитой губы визитера текла кровь, а сорванный рукав рубахи свисал с плеча.

– Меня ограбили! Помогите!

– Где, когда? – быстро поинтересовался Стариков.

– Только что, вот тут рядом, на Беговой! – оживленно жестикулируя, затараторил мужчина. – Трое. Подскочили, ударили, у одного в руках нож. Молодые парни.

– Как выглядели, особые приметы, в чем одеты? – спросил Стариков и кивнул Гаврилову: – Иван, займись.

Приметы задержанных были переданы патрулям. Терпилу оформили.

– Утром придете к участковому, – деловито бормотал Гаврилов, оформляя бумаги. – Сейчас подъедет машина, покажетесь с ними по району, может, кого опознаете.

– Нет, это не ЖЭУ, – с каменным лицом ответил Стариков и положил трубку.

Между тем сериал кончился, и сверху снова стали слыш-

ны крики, но уже слабее, чем раньше. Потерпевший поднял на Гаврилова испуганные глаза.

– Да это там тоже телевизор смотрят, – пояснил инспектор, не моргнув глазом.

Потом приехала машина, и терпилу благополучно спроводили.

– Ставки будем делать? – поинтересовался Зотов.

– А ты на что ставишь, – поинтересовался Гаврилов, – зацепят или не зацепят они этих гопников?

– Ставлю сотню, что не зацепят, – продемонстрировал Зотов купюру.

– Нет, я пас, – покачал головой Гаврилов.

Стариков тоже отказался ставить, заметил:

– Меня уже достали эти вопли! Вась, может, сходишь, скажешь им, чтобы вели себя потише?

– Да я до этого мимо проходил, постучался, чтобы спросить заварки, а Гудков чуть ли не матом меня обложил и даже дверь не открыл, – ответил Зотов. – Ты же знаешь нашего Клима. Может и в драку полезть, если что не по его. Иди сам, если хочешь.

Разговор оборвался. С выезда вернулась группа немедленного реагирования (ГНР): четыре амбала в камуфляже и с автоматами.

– Ну, что там за волнения народные у банка были? – спросил у прибывших Стариков.

– Прибыли на место, по адресу никого не оказалось. Или

разошлись, или опять кто-то пошутил, – ответил капитан – старший группы.

Раздосадованный, он сел составлять рапорт. Остальные бойцы прислушивались к крикам сверху, курили и улыбались.

– Нет, все, они меня достали. – Стариков вскочил и ринулся к лестнице.

Поднявшись на второй этаж, он перевел дыхание и снова прислушался. Кричал явно не один человек. Причем кричавшие звали его по фамилии. Точно, что-то не так.

Он осторожно подошел и постучал в дверь.

– Эй, мы здесь, ломайте дверь! – радостно заорали с другой стороны.

– Гудков, что у вас там? – изумленно спросил Стариков.

– Витя, это ты? Вышибайте дверь! Мы связаны.

– Ну ни хрена себе, – пробормотал Стариков и заорал в коридор: – Эй, все сюда, быстрее.

Дверь вышибли совместными усилиями. Внутри кабинета старшего оперуполномоченного все было вверх дном. Сам хозяин кабинета и его подчиненные валялись на полу, крепко связанные скотчем.

– Он бежал и теперь попытается вырваться из города! – надрывно захрипел Гудков, увидев Старикова. – У него оружие, и он очень опасен! Надо немедленно сообщить всем постам. И развяжите меня, чего стоите истуканами!



Степан, как и планировал, отогнал машину в соседний двор. Закончив с этим, забрался на крышу дома и порезал телевизионные кабели, подходящие к антеннам. Он не хотел, чтобы жители, посмотрев утренние новости, узнали о бежавшем опасном преступнике, а затем вышли во двор и узрели этого преступника воочию. Так у него будет небольшая передышка в один день. За это время он изменит внешность и промоет бабке мозги. Оставшееся до рассвета время Степан просто сидел на лавочке у подъезда, вслушиваясь в звуки ночного города. Где-то за ДК просигналила машина, в соседнем дворе лаяли бродячие собаки, занимаясь переделом территории. Шумела листва. Скверные предчувствия переполняли душу. По всему городу уже, должно быть, на него идет охота, а он тут сидит и на небо пялится.

Потом горизонт на востоке посветлел. Ночь незаметно отступала. Свет, сначала тусклый и холодный, затем все более живой и яркий, теснил тьму. В ветвях деревьев запели птицы. Наконец на горизонте показался краешек солнца. Степан вздрогнул, когда дверь подъезда внезапно открылась и на крыльцо вышла тощая седая старуха в синем фланелевом халате, с какой-то миской в руках.

– Кис-кис-кис, – позвала она, озираясь, потом заметила Степана и насторожилась.

– Клавдия Петровна, вы меня не узнаете? – поднялся с лавки Степан ей навстречу.

Старуха пригляделась, прикладывая руку козырьком и закрывая глаза от солнечных лучей, бивших сбоку, охнула и воскликнула:

– А, Степа! Тьфу, зараза, напугал до смерти! А я думала, что ты уехал!

– Я тоже так думал, – улыбнулся Степан в ответ.

– Ох, Степа, вот после тебя у меня не было нормальных жильцов, – тяжело вздохнула Клавдия Петровна, ставя миску с едой на асфальт у крыльца. – То залиют соседей снизу, то шумят, то не платят, то идиоты какие-то! А ты – тихо пришел, тихо ушел, и в квартире всегда идеальный порядок, и платишь аккуратно...

– А у вас сейчас кто-нибудь живет? – перебил ее Степан, потому как воспоминания могли затянуться надолго. – Я это к тому, что мог бы опять поселиться.

– Да живут одни, – махнула рукой старуха, – а то б я тебе, сынок, сразу сдала дочкину квартиру. Но как я их выгоню?

– Жаль, – грустно заметил Степан, прикидывая, куда ему еще податься.

Хороших идей не наблюдалось. Везде было опасно. Если только найти какой-нибудь разрушенный дом или забраться на территорию закрытого завода в промзоне, поселиться на свалке с бомжами... Тут он вспомнил о схроне в лесополосе. Денек отсидеться и там можно.

– Ой, как жалко, что я не могу тебя пустить, – убивалась Клавдия Петровна. – А эти-то квартиранты мне уже за два месяца задолжали. Рашид все говорит, что отдаст, а сам не отдает. И ладно бы денег не было. Они ведь на рынке торгуют фруктами. У них там с братом точка. Боюсь, обманут они меня, не заплатят. Вчера всю ночь пили, а под утро уехали с шалавами по городу кататься.

– А у вас ключи от квартиры есть? – спросил Степан, у которого появилась идея, как освободить жилплощадь.

– А как же, – кивнула Клавдия Петровна, – но я к ним не захожу в их отсутствие.

– А вы не боитесь, что они могут оказаться террористами, бандитами или маньяками? – спросил Степан. – Давайте вместе пройдем, посмотрим. Уж больно они подозрительные.

– И то верно, – задумчиво ответила старуха. – Я им участковым пригрозила, а они посмеялись и сказали, что он у них в кармане, и велели, чтоб я не дергалась. Так и сказали – не дергайся, бабка, а то беды наживешь. Точно, бандиты какие-то. Так, возьму сейчас очки и ключи...

План Степана был прост, как все гениальное. Он подбросит в квартиру веселым братьям патроны, покажет бабке, а та стукнет в милицию. Милиция приедет, братьев заберут, и жилплощадь освободится. Но самое замечательное, что менты второй раз квартиру проверять не будут ближайшие

несколько дней – это точно.

Увиденное в квартире повергло бабушку в шок. Судя по всему, вечер братьям удался. На полу валялись остатки еды, битая посуда. Рядом со столом лежал стул со сломанной ножкой. Дверь шкафа болталась на одной петле. Клавдия Петровна подслеповато шурилась, силясь разглядеть, что творится в квартире, потом вспомнила об очках, достала их из кармана, водрузила на нос и замерла, пораженная до глубины души.

– Бандиты, – простонала Клавдия Петровна, хватаясь за сердце.

– Ну, что, вызывайте милицию, – вздохнул Степан, – и скажите, что квартиранты собираются взорвать что-то. Что вы, мол, случайно услышали разговор. Так менты быстрее приедут. Про меня, естественно, не говорите. Я потом приеду, когда все утрясется, и сниму квартиру на полгода. Плата вперед. Главное – не проговоритесь обо мне, а то еще приплетут к этому делу, и придется вам искать новых квартирантов.

– Нет, новых не надо. С меня и этих хватило, – сокрушенно покачала головой старуха. – И за квартиру уже сколько не платят, да еще все попортили...

Пока она отвлеклась, подсчитывая ущерб, Степан незаметно подбросил обойму с патронами в щель между диванными подушками. Взгляд его упал на карту города, которую квартиранты постелили на стол вместо скатерти. Рядом на

трюмо валялся зеленый маркер, и Степан улыбнулся появившейся внезапно идее. Взяв маркер, он быстро соорудил на карте что-то похожее на план «Барбаросса» – обвел в кружки основные объекты: администрацию города, Думу, вокзал, главпочтамт, аэропорт, гидроэлектростанцию, здание ФСБ и ГУВД. Соединил кружки стрелочками и подписал цифрами и буквами – пусть думают, что это шифр. Клавдия Петровна в этот момент обнаружила, что телефон в прихожей отключен.

– Еще и телефон испортили!

– Вы лучше из своей квартиры позвоните на телефонную станцию и спросите, не из-за долгов ли его отключили, – посоветовал Степан, заканчивая свое черное дело.

– Каких долгов? – удивилась старуха. – Я всегда аккуратно плачу на месяц вперед. Долгов быть не может.

– А вы все-таки проверьте, – улыбнулся Степан. – Может, в этом месяце они в Гватемалу звонили...

Глава 3

Эдику не спалось. Он не находил себе места, курил в пред-
рассветных сумерках и мерил шагами палату. На него на-
валилась депрессия. Очень хотелось взбодриться, но ничего
не осталось. Выписывать его должны были после обеда, но
Эдик чувствовал, что так долго он не выдержит. Переодев-
шись в костюм, он вышел в коридор и натолкнулся на угрю-
мых телохранителей.

– Эй, пропустили быстро! Я еду домой.

– Павел Игнатьевич велел, чтобы вы оставались здесь до
дальнейших распоряжений, – пробасил Стас Липкин, бри-
тый мордоворот в сером костюме.

– Плевать, что отец сказал! Мне здесь надоело. Если по-
пробуешь меня остановить, пожалеешь, что на свет родил-
ся, – визгливо заорал Эдик, пихнул оторопевшего секьюри-
ти и ринулся к лестнице. Телохранители молча последовали
за ним. Стас с обреченным видом достал сотовый и набрал
номер губернатора.

– Что еще? – раздался недовольный голос шефа.

– Ваш сын решил уйти из больницы. Остановить его без
применения физической силы не можем, – виновато доло-
жил секьюрити.

– Дайте мне его, – зло потребовал губернатор.

– Вас, – Липкин протянул сотовый Эдику.

Тот брезгливо покосился на аппарат и бросил:

– Сам с ним разговаривай.

– Он не хочет говорить, – сообщил телохранитель губернатору, ожидая бури, однако тот воспринял новость спокойно.

– Ладно, потом с ним разберемся, – вздохнул губернатор и добавил: – Отправляйтесь с ним и не спускайте глаз с его квартиры, головой отвечаете.

– Да, будет сделано, – с готовностью выпалил Липкин. В ответ послышались гудки.

– Че, настучали папашке, выслужились, – язвительно заметил Эдик, спускаясь по лестнице. – Если я захочу, он вас в момент уволит.

– Извините, мы всего лишь выполняли приказ, – сдерживая гнев, пробормотал Липкин; перспектива оказаться на улице ему вовсе не улыбалась. – Это для вашей же безопасности.

– Да пошли вы оба! Кто меня тронет-то? – самоуверенно ухмыльнулся Эдик, потом вспомнил о недавнем происшествии, и улыбка погасла. Тронуть могли те, кто не знал, чьим сыном он является. Идиотов хватало даже среди гаишников. Пару раз его задерживали за вождение в нетрезвом виде, и приходилось звонить отцу. Те, кто его задерживал, уже больше не работали в органах, а остальные гаишники выучили наизусть номер его машины. Но потом опять придет какой-нибудь раздолбай, не обученный манерам, и тор-

можнет его...

Дома Эдик первым делом плюхнулся на огромный круглый кожаный диван, врубил плазму и обзвонил приятелей, которые могли достать дури. Ответил лишь один, но и тот сказал, что у него ничего нет.

– Сволочи, – прокричал Эдик в потолок, чувствуя, как все его тело буквально разваливается на куски.

Только зря он злился на приятелей. Накануне к каждому из них явились серьезные парни в аккуратных костюмах и предупредили, чтобы никто не смел приближаться к Эдуарду Юхно, а тем более продавать ему кокаин или какую-другую дрянь. Дилеры в округе также были строго предупреждены о последствиях своих необдуманных действий. Очень скоро Эдик понял, что за время его недолгого отсутствия наркотики каким-то непостижимым образом исчезли из их города. В расстроенных чувствах он махнул бокал виски и принялся обшаривать квартиру в надежде найти какую-нибудь забытую заначку. Однако все заначки, как назло, кончились. В отчаянии он налил себе еще виски и поплелся на кухню, где все было перевернуто вверх дном. Его взгляд упал на сахарницу. Тут-то уж точно он не додумался спрятать дурь. К нему заходили родители, и это было бы верхом безрассудства. Без особой надежды он поднял крышку и заглянул внутрь. Сахарница была заполнена наполовину. Прямо поверх сахарного песка лежал небольшой пакетик с белым порошком. От радости Эдик едва не расцеловал сахарницу. Выудив паке-

тик, он освежился понюшкой и почувствовал себя заново родившимся. Мир снова лежал у его ног. Ушли проблемы и депрессия, развившаяся после разговора с отцом. Переполняемый радостью, Эдик стал скакать по квартире и гоготать, точно переевший дурмана жеребец. Врубил музыку, начал подпевать и с удовольствием отметил, как беснуются соседи сверху и снизу. Бабка снизу – какая-то там заслуженная писательница, член и ветеран чего-то – принялась резво колотить по батареям, а директор театра сверху орал благим матом с балкона, чтобы он выключил эту чертову музыку. Счастливо улыбаясь, Эдик сделал музыку погромче и продолжил беззаботно напевать.

* * *

Гудков отозвал дежурного в сторону и негромко сказал:
– Слышь, Витя, давай не будем предавать огласке всю эту ерунду. Напишем в рапорте, что задержанный был невменяемым, распахнул нас, разогнул решетку и выпрыгнул в окно. Про остальное не надо. И так скандал будет конкретный. Мы сами все порешаем. Найдем его...

– Нет, на хрена мне это нужно, – резко ответил Стариков. – Он вас связал, разоружил... А если он уже кого завалил из твоего табельного?! Я напишу все как было, а вы уж сами решайте все с Саньчем.

– Майор, ты чего быкуешь? – натянуто улыбнулся Гудков.

Несмотря на улыбку, глаза оперуполномоченного светились злобой; он едва сдерживался и старался говорить спокойно. — Можно было бы вообще замять тему, будто мы его не арестовывали и не приводили сюда. Зуб даю, мы бы его потом из-под земли достали. Но знаю ведь, ты хрен согласишься, вот и прошу тебя о пустяке. Сам подумай, ты ведь мог и забыть по запарке, что мы были связаны. Столько событий, бежал опасный преступник, в городе объявлен план «Вулкан»... И про табельное оружие откуда тебе знать, разоружил он нас или нет. Я че, о многом прошу?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.